

Пороль О.А.

Оренбургский государственный университет  
E-mail: olgaporol@mail.ru

## ПОЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ БЫТИЯ В БИБЛЕЙСКОМ ДИСКУРСЕ Ю. БАЛТРУШАЙТИСА

В современном литературоведении заметно вырос интерес к поэзии Ю. Балтрушайтиса, его личности, с другой стороны можно отметить недостаток работ, посвященных его художественному мировосприятию. В статье рассматривается концепция бытия в библейском дискурсе Ю. Балтрушайтиса. Библейский аспект при анализе художественного текста позволяет открыть доминирующие признаки бытия, определяющие смысловое пространство поэтической концепции автора.

Функционирование библейского текста в художественном мире Ю. Балтрушайтиса анализируется через пространственно-временную символику. Анализ поэтических произведений проведён в семантическом аспекте с применением метода текстовых параллелей. Приведенные семантические параллели (мотив прорастания семени, молитвенное словословие, радость бытия, видение «великого в малом» и др.) показывают стилистическое своеобразие лирики поэта, открывают новые смысловые отношения, обозначая генезис характерных для поэзии Балтрушайтиса библейских символов – сада и дня. В результате исследования определена доминирующая ценностная установка мироощущения лирического героя – полноты и радости бытия. Выявленная семантическая наполняемость бытия представлена как основная. Рассмотрение различных вариантов лексического фона бытия позволило определить его структуру, состоящую из триады: свет – радость – слово. Пространство, наполненное светом, это пространство, отвоеванное от пустоты, появляющееся в результате преодоления плоскостного восприятия мира, восхождения к молитвенному Слову.

Исследование лирики Ю. Балтрушайтиса позволило выявить следующие черты поэтической концепции бытия: присутствие библейской символики (сада, дня); восприятие смерти как начала новой жизни; осознание вездесущности Бога; существования небесного в земном; представление бытия как предельной полноты жизни, радости и света.

**Ключевые слова:** пространство, время, семантика, библейский текст, свет, бытие.

«Бытие всегда есть бытие в пространстве и времени, и пространство и время (как заметил еще Б.М. Эйхенбаум) – коренные характеристики поэтической онтологии Тютчева» – такой тезис выдвинул Ю.М. Лотман в известной статье «Поэтический мир Тютчева» [11, С. 579].

Философская концепция бытия Ф.И. Тютчева, как известно, оказала судьбоносное влияние на миропонимание многих поэтов эпохи Серебряного века. Наиболее ярко она отразилась в творчестве А. Ахматовой, О. Мандельштама и стала краеугольным камнем в лирике Ю. Балтрушайтиса.

В начале XX-го века небольшая статья Ю.И. Айхенвальда в известной книге «Силуэты русских писателей» стала откликом на вышедшие сборники стихотворений Ю. Балтрушайтиса «Земные ступени» и «Горная тропа». Ю.И. Айхенвальд выделил основные темы лирики поэта: «борьбу между началами цельности и дробности», «перемежающееся в человеке земное и горное» [1, С. 155].

Можно утверждать об определённой закономерности в изучении поэтического наследия Балтрушайтиса. Многие исследователи творчества поэта (В. Дауётите, Вяч. Иванов, Б. Мерж-

винскайте, Г.Я. Полонский и др.) отмечали религиозность автора и видели в ней причину его глубоких философских размышлений.

Формально Ю. Балтрушайтис мало чем выделялся среди других символистов: функционирование в поэтических текстах ключевых образов, символизирующих Вечность, использование обилия эпитафий к своим стихотворениям. Виктория Дауётите отмечала: «Балтрушайтис не сказал чего-то особенно нового; удивительна не новизна, а неустанная метафизическая страсть к осознанию тайны бытия. <...> Выразить невидимую связь человека и вселенной – такова главная цель лирики Б., неизбежно выводившая его за рамки конкретно-исторической действительности» [3, С. 125].

Исследуя творчество поэта, В. Дауётите отметила в нём традиции русской философской лирики (любимыми поэтами Балтрушайтиса были Тютчев и Баратынский), проследила динамику духовно-творческого развития.

В исследованиях В. Дауётите содержатся основные вехи творчества поэта. В 1900 году с. Поляков, В. Брюсов и Ю. Балтрушайтис основали издательство «Скорпион», которое занималось изданием как произведений русских

символистов, так и книг Г. Ибсена, Г. Гауптмана, А. Стриндберга, Г.Д. Аннунцио, О. Уальда, Р. Тагора, одним из переводчиков которых был и Ю. Балтрушайтис. Он входил и в основное организационное ядро журнала «Весы» (1904-1909), а когда редакция распалась, присоединился к А. Белому.

Поэт был и знатоком мировой драматургии, отбирал пьесы для Камерного театра А. Таирова. В его доме у Покровских ворот бывали К. Станиславский и В. Немирович-Данченко, В. Мейерхольд и Э. Крэг, В. Брюсов и Вяч. Иванов. После Октябрьской революции становится председателем Московского Союза писателей.

В научных работах Л. Спроге была рассмотрена проблема пространственно-временной символики в циклах стихов поэта «Земные ступени» и «Горная тропа». Задачей исследования стал анализ развития временного плана лирики, специфики циклообразования в книгах стихов поэта [14].

С. Гардзано анализирует отношения поэта к итальянским литераторам, выделяет итальянские элементы в лирике Ю. Балтрушайтиса, формулирует предпосылки в изучении темы «Балтрушайтис и Италия» [6].

Продолжает исследоваться эпистолярный жанр поэта, несмотря на сложную судьбу архива Балтрушайтиса. Были опубликованы письма Ю. Балтрушайтиса А. Белому, В. Брюсову, В. Мейерхольду, А.Н. Скрябину, Джованни Папини, разысканные в архивах Альтшуллером, В. Дауэтите, Н.В. Котрелевым, Л. Спроге, О.М. Томпаковой, Ю. Тумялисом и другими [9], [13], [15].

Целью настоящей работы является рассмотрение миропонимания Ю. Балтрушайтиса. Нравнодушие к вопросам бытия, поиск онтологического начала в происходящем было отличительной чертой русской элиты первой трети XX-го века. Обусловлено ли совпадение религиозной устремлённости Балтрушайтиса только школой, исторической закономерностью в литературном процессе, и существует ли под внешними формальными совпадениями повторяющихся слов и образов в его поэтической системе ответ на роковой вопрос о соотношении временного и вечного.

Одна из самых традиционных лирических тем Балтрушайтиса – тема двоемирия, рассма-

триваемая поэтом сквозь призму библейского текста. Звучание и разработка темы двоемирия в поэзии Балтрушайтиса семантически отличны от других символистов поиском отголосков вечного во всём временном, стремлением к целостному восприятию миру. Тема двоемирия выражалась не одной констатацией закономерной двойственности всего земного, но сложным поиском обретения полноты бытия: «Всё в смертной доле двойственно, / Случайностью живёт, – / Лишь низости несвойственно / Сверкнуть лучом высот <...>. В мучительном томлении / Мы ищем полноты, / Но строим жизнь в дроблении / Усилья и мечты...» [2, С. 48]; «Как узор в единой ткани, / Сочетается без грани / Свет небес и свет земной... («Звездным миром ночь дохнула...») [2, С. 62–63].

Осознание двух начал в мире и человеке, жажда познания инобытия звучит в стихотворении «Алкание»: «Нас в мире ждёт великое алканье / На всех путях... / Нас всех томит угрюмое незнание / В земных сетях... / Мы молимся о чуде утоления / И день и ночь, – / Но горечи последнего томленья / Не превозмочь...» («Алкание») [2, С. 68].

Перевод церковнославянской лексики: алкание, утоление вполне раскрывает смысл стихотворения. Глагол алкати означает быть голодным, хотеть пищи [8, С. 12]. Это слово может употребляться как в контексте, означающем бытовое: вкушать пищу, так и высокое: испытывать духовную жажду. Слово утолити (облегчать, исцелять, укрощать), например, может функционировать в таком контексте: Утоли пажить греховную, т. е. уничтожь во мне то, чем, как на пажити, питается грех [8, С. 766]. «Утоли мои печали» – так называется образ Пресвятой Богородицы, к которой обращаются люди, находящиеся в скорбях.

Земные сети – часто встречающаяся метафора в молитвенных, гимнографических текстах и текстах Псалтири. Например, в 90 псалме: Яко той избавит тя от сети ловчи (Бог избавит тебя от тайных козней вражых сил).

В текстовом поле стихотворения Балтрушайтиса земными сетями названо плоскостное восприятие мира, земная человеческая данность, едва ли позволяющая человеку «вместить» инобытие, преодолеть незнание (непонимание) небесных истин.

Познание (и прохождение) земного бытия происходит во времени и в непреходящем существовании в сознании лирического героя двух форм бытия: трудного земного и небесного (пока недоступного). Осознание полноты бытия приходит к герою через сознательное преодоление трудного земного пути и восхождение к вечному Слову, которым когда-то был создан мир: «Вскрывались дни, часы цвели – / И брел я, в поте и в пыли, / На зов Отца, межой земли... / И строя миг по мере сил, / Я лишь упорным словом жил, / О всходах вечности тужил... / Я цвел с Творцом в Его цвету, / И знаю: в божью полноту / Свой смертный колос я вплету» («Межой земли») [2, С. 201].

Мотив прорастания (или всхожести) семени семантически восходит к известной библейской притче о Сеятеле, где восхождение от тьмы к свету (от земного к небесному, от смерти к жизни) возможно при устремлённости познать евангельское Слово.

Слово понимается автором как символ вечности и как возможность преодоления земных временных сфер (временности): «Я лишь упорным словом жил, / О всходах вечности тужил». Вектор устремлённости лирического героя, его глубокая внутренняя работа души становятся условием постижения вечного Слова, возможностью проникновения в вечность, прорастанием в неё.

Логосное восприятие слова роднит поэзию Ю. Балтрушайтиса с поздней лирикой Н.С. Гумилёва, в творчестве которого преодоление диаволического дискурса (выражение А. Ханзен-Лёве) раздвоенности, восстановление целостного мировоззрения становится возможным после обращения к библейскому Слову.

В стихотворении Ю. Балтрушайтиса «Приближение» объясняется истинная природа слова, его генезис («Случайный отблеск пиршества былого») и человеческая забывчивость о его изначальной сакральной сути («Воспоминания неверный полусон»), празднословие («праздничный звон»). «Ни голода, ни жажды – только Слово, / Как сумрачный, глухой и праздничный звон, / Случайный отблеск пиршества былого, / Воспоминания неверный полусон!» («Приближение»), [2, С. 65].

Первая строчка стихотворения «Ни голода, ни жажды – только Слово» – восходит к библей-

скому событию: «Иисус Христос в пустыне и искушение Его от диавола», когда Христос сорок дней и сорок ночей не вкушал никакой еды и на обольщение ответил: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4, 4).

На верность выше предложенных библейских текстовых параллелей указывает специфика мировоззрения автора. Слово в поэтическом мире Балтрушайтиса, прежде всего, обращено к Богу: «Пылает грудь моя / Молитвой благодарственной / За чудо бытия...» («Мой храм»), [2, С. 35]; «Для нас земля – последняя ступень... / В ночных морях она встаёт утёсом, / Где человек, как трепетная тень, / Поник, один, с молитвенным вопросом...» («На пороге ночи»), [2, С. 78].

Преодоление двоимирия, и как следствие, осознание полноты бытия, выражающейся в единении человека со Вселенной открывается через специфику функционирования в поэтических текстах Балтрушайтиса молитвенного слова, чаще всего звучащего в псалмопении. Возникает «двойное» слышание молитвенного славословия: в себе и в мироздании во время созерцания. «Мир – тихое пенье в редющей тьме, / Я – пламя молитвы в псалме...» [«Рассветные волны качают ладью...», Балтрушайтис Ю. Дерево в огне: Стихи. – Вильнюс: Vaga, 1983. – С. 33] и «Раскрылись дали знойные, / Как бездны синей тьмы... / Я слышу вихри стройные, / Поющие псалмы...» («В горах»), [2, С. 38].

Фраза «Мир – тихое пенье в редющей тьме, / Я – пламя молитвы в псалме...» – не что иное, как свидетельство наступления ясности, (редущая тьма) во время великого молитвенного славословия или хваления.

Славословие Балтрушайтиса сродни псалмопению, во время которого происходит преодоление времени. Выражению «Раскрылись дали знойные, / Как бездны синей тьмы... / Я слышу вихри стройные, / Поющие псалмы...» («В горах»), [с. 38] противостоит гул «нестройный», который возникает, когда меркнет Божья синева и земное, мятежное оттесняет от света («божьей синевы»). Звучит тема личного Апокалипсиса (выражение «роковые жернова»): «Слышу, слышу гул нестройный! / Меркнет божья синева... / Стонут-воют беспокойно / Роковые жерно-

ва» («NOLI TANGERE CIRCULOS MEOS»), [2, С. 43].

Радость бытия (его полнота) возникает в мировоззренческой системе поэта как результат видения лирическим героем Бога во всём, видения великого в малом.

Одним из признаков полноты бытия в творчестве Балтрушайтиса становится ощущение света, передаваемое семантически как чувство радости бытия. Полнота бытия раскрывается через славословие («безмерное ликование») дня как чуда, нарастанием радости солнечного света как явления свыше («Весь мир объят сиянием», «святыня бытия»). Триада День – Свет – Святость закономерна для поэтики Балтрушайтиса и выражает всё то же стремление автора к осознанию гармонии неба и земли. Световая реальность земного дня (неполнота) в поэтическом мире Балтрушайтиса отражает иной свет, содержащий в себе высшую силу (полноту): «День – таинство великое, / День – чудо из чудес... <...> / С безмерным ликованием / Сменяются часы, / Весь мир объят сиянием, / Что капелька росы! / Пылает вечной славою / Святыня бытия, / Я в светлом море плаваю, / Мой парус – мысль моя!» («В горах») [2, С. 38].

Тема земной жизни, полная различных треволнений, метафорически представленная как море, осмысливается лирическим героем продолжением, дальнейшим раскрытием творческого замысла восстающего из небытия Божьего Дня: «Пылает вечной славою / Святыня бытия, / Я в светлом море плаваю, / Мой парус – мысль моя!».

В творчестве Балтрушайтиса поэтический комплекс моря сложился как развитие и продолжение известной гимнографической традиции в кругу славянской семантизации, т. е. море – это глубинная метафора, обозначающая человеческую жизнь. Например, в шестой песни древнего покаянного канона ко Господу нашему Иисусу Христу, составленного Андреем Критским, написано: «Житейское море вздвизаемой зря напастей бурей, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве», что означает: «Видя жизнь, как море, волнуемое искушениями и бедами, я пристаю (или приплываю) к твоей тихой пристани, чтобы, Ты Господи, избавил мою жизнь от гибели».

При общей «морской теме», обозначающей «жизнь» и у Андрея Критского, и у Юргиса Балтрушайтиса, всё же видна разность, выражающаяся в том, что в каноне содержится просьба быть спасённым от бед, в стихотворении поэта лирический герой находится в покое (мнимом или настоящем). Существенно обстоятельство, что герой уже принадлежит вечности (или ему так кажется), поэтому он свободен от треволнений («Я в светлом море плаваю»). Море, в котором пребывает лирический герой не столько географический локус, жизненный, сама жизнь. Основной мотив стихотворения – ощущения радости, безмерного ликования, торжества бытия, осознания его святости: «Пылает вечной славою / Святыня бытия, / Я в светлом море плаваю, / Мой парус – мысль моя!» («В горах»), [2, С. 38].

Негативного эпитета о море-жизни нет и том случае, когда тип «морской» ситуации традиционен (т. е. восходит к канону, где выражено стремление к Богу, способному защитить в жизненных бедах). Есть только констатация факта, свидетельствующая о смене жизненных явлений: «Вся клокочет ширь морская... / Я – один над синей тьмой... / Вихри пены высь взрываю, / Воет бездна под кормой... («AVE, STELLA MARIS»), [2, С. 42].

Другим сакральным локусом, обозначающим жизнь и восходящим к библейскому и гимнографическому текстам в творчестве поэта, становится упоминание сада.

В стихотворении «Мой сад» (где слово сад – метафора, означающая внутренний мир, душу лирического героя) строчки: «Завет Садовника храня, / Его растил я свету дня...» восходят к библейскому образу сада, встречающемуся в гимнографических текстах.

Например, в тропаре предпразднества Рождества Христова чрево Богородицы названо раем и Божественным садом, т. е. местом, где находится Христос: «Готовися, Вифлееме, отверзися всем Эдеме, красуйся, Евфрафо, яко древо живота в вертепе процвете от Девы: рай бо она чрево явися мысленный, в немже Божественный сад, от негоже ядше живи будем, не якоже Адам умрем, Христос раждается, прежде падший возставити образ», что означает: «Радуйся известию, Вифлеем, открылся всем Рай, красуйся Евфраф (древнее название Вифлеема), потому что древо жизни процвело в пещере

от Девы, чрево которой стало от Духа Святого раем, где сам Христос, вкушая Которого не умрём, как Адам, но будем иметь жизнь вечную; Христос рождается, чтобы падшего человека восстановить образ».

Сад – сакральный локус, храм-сердце, который хранится от людской суеты, обыденности (определение серый): «Его простор, где много роз, / Глухой оградой я обнёс, – / Чтоб серый прах людских дорог / Проникнуть в храм его не мог!» («Мой сад»), [2, С. 49-50].

В стихотворении «AVE, CRUX!» внутренний мир героя вновь сравнивается с храмом, что перекликается с библейской фразой: «Царство Божье внутри вас есть» (Лк.: 17, 20-21). Кратко эта библейская фраза означает, что Царство Божие не имеет границ, оно всюду-безгранично. Оно развивается и созревает внутри человека, в сердце человека».

Мотив приятия бытия, радости мира, определение своего жизненного пути по воле Божьей, прославление Бога – основной мотив творчества поэта: «Мой путь – по божьему указу – / Светло направлен в ширь долин, где ясен мир, привольно глазу, / Где я с мечтой своей один...» («Беспечность»), [2, С. 39]; «Кончая день, борьбу живую, / Объятый кроткой тишиной, / Я славлю Бога и целую / С земным поклоном прах земной...» («Поклонение земле»), [2, С. 45].

Обращение к бытию – это, прежде всего, обращение к свету, простору при отсутствии бунта и приятие жизни во всей её полноте: радости и невзгодах: «И средь шума забот и вражды, / Где я, в рабстве, служу бытию, / Лишь в мерцаньи вечерней звезды / Я утраченный свет узнаю...» («Отчизна»), [2, С. 72]; «В вечерней мгле теряется земля... / В тиши небес раскрылось мировое, / Где блещет ярче пламя бытия, / Где весь простор – как празднество живое!» («На пороге ночи»), [2, С. 77]; «В колыбели илистой – / Светлая струя... / Сумрачны, извилисты / Русли бытия!» («Песня»), [2, С. 49].

Восприятие бытия Балтрушайтиса – это согласие с закономерным законом жизни, её финалом, как у Ахматовой («Я молчу, молчу готовая снова стать тобой земля»). Конец земной жизни поэт называет вечером. Дорожный прах – это земной путь человека: «Когда же золотом и кровью / Заблещет вечер в небесах, / Я с тихим

жаром и любовью / Благословлю дорожный прах...» («Беспечность»), [2, С. 39].

Смерть для лирического героя не финал человеческого бытия. Семантически она восходит к началу новой жизни, Субботному Дню, к свету: «

Только смерть – наш День Субботный, / Бледность искры – весь наш свет!» («NOCTURNE»), [2, С. 95].

День Субботный – собственное имя, возводящее к библейскому тексту. Суббота, начиная с Ветхого Завета, считалась праздничным днём. «...Покой субботы был прообразом того смертного покоя, которым имел успокоиться во гробе Иисус Христос, после подвигов и страданий земной жизни Своей» [8, С. 683]. Верность такого комментария определяется контекстом стихотворения, в частности, присутствием в нём слова свет. Известно, что в библейских, молитвенных и гимнографических текстах Иисус Христос и слово свет – тождественны. Например, в Евангелии от Иоанна: «Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Иоан. 8, 12).

Бытие человека в творчестве Балтрушайтиса характеризуется глубиной.

Глубина – свойство вечности в поэтическом мире Балтрушайтиса (как и у Блока), войти в которую возможно через смерть. Приход смерти – это час (У Гумилёва подобное обозначение встречается в стихотворении «Мои читатели»): «И в час, когда волна дневная / Отхлынет прочь, за край земли, / Мой дух заманит тьма ночная / В глубины звёздные свои...» («Беспечность»), [2, С. 39]; «Будто с тоской по утраченным дням / Кто-то, по древним глухим ступеням, Поступью грузной идёт в глубину, / Ниже, всё ниже, – во тьму, в тишину...<...> Скорбный и мерный, отрывистый звон – / Шествие Часа в пустыне времён...» («Маятник»), [2, С. 97].

Протяжённость пространства в поэзии Балтрушайтиса не зависит от смены настроений лирического героя, от возрастного ощущения мира (пора человеческой жизни обычно сравнивается в лирике поэта с временами года: весной, осенью, зимой). Например, в стихотворении «Сиротство»: «Со мною был весенний свет, / Моих лугов роса и цвет, / И трепет вод, и шум листвы, / И пламя летней синевы...».

В осенней поре человеческой жизни пространство передаётся любимым для поэта словом простор, семантика которого в контексте строфы близка к значению опустошённости и конца жизни: «Как был покой осенних дней, / Простор развенчаных ветвей, / Холодный пепел, прах, зола / Костров, что ярко жизнь сожгла...».

В зимнем пейзаже, означающем жизнь после смерти (используется глагол будет), семантика пространства восходит в вечности: «Со мною будет сон зимы, / Печаль и холод белой тьмы / И – в краткий полдень – блеск снегов / Без рубежа, без берегов...» («Сиротство»), [2, С. 82].

Однако в восприятии безмерности мира присутствует осознание несовершенства собственной души, сложности соединения неземного с земным, трудности шествия по дороге жизни и жажда постижения Бога: «Меж сердцем усталым и миром безмерным / Распалось дневное звено... / Лишь в памяти, светом случайным, неверным, / С минувшим оно сплетено... / Что было, что будет – всё та же дорога, / И пепел и пыль впереди – / Молитва о жизни,

алкание Бога / И сумрачный холод в груди...» («Вечер»), [2, С. 76].

При желании понять вечность, пространство лирическим героем воспринимается по-библейски: когда малое может вместить большое (Царство небесное внутри вас): «Ни тревог, ни мира нет... / В миге – много тысяч лет...» («Элегия»), [2, С. 88]. Малый «охранный» locus способен вместить простор: «Мой дом, мой кров – безлюдная безбрежность / Земных полей, / Где с детским плачем сетует мятежность / Души моей» («Чёрное солнце»), [2, С. 91].

Анализ поэтических текстов Ю. Балтрушайтиса выявил следующие черты концепции бытия поэта: присутствие библейской символики (сада, дня); представление бытия как триады: свет – радость – слово; видение «великого в малом» (отражение небесного в земном).

Особенностью поэтического мира Ю. Балтрушайтиса стало изображение лирического героя, устремлённого к осознанию полноты и радости бытия, к ощущению вездесущности Бога и света, приятию «преображенной» земной действительности.

9.10.2015

**Список литературы:**

1. Айхенвальд, Ю. Силуэты русских писателей. В 2 т. Т. 2. – М.: Терра – Книжный клуб; Республика, 1998 – 288 с.
2. Балтрушайтис, Ю. Дерево в огне: Стихи / Сост. и примеч. Ю. Тумялиса; Вступ. ст. А. Туркова. – Изд. 2-е. – Вильнюс: Vaga, 1983. – 319 с.
3. Балтрушайтис, Ю. Ступени и тропа. – М.: Baltus, Новое издательство, 2005. – 174 с.
4. Библия. – М., 1992. – 895 с.
5. Иванов, Вяч. И. Собрание сочинений. Т. 1. – Брюссель, 1979. – 872 с.
6. Гардзонио, С. Стихотворение Ю. Балтрушайтиса «Привет Италии» // Лит. обозрение. – 1999. – №4. – С. 59-62.
7. Дауэтиге-Пакарене, В. Метафизика поэзии Юргиса Балтрушайтиса // Юргис Балтрушайтис. Ступени и тропа. – М.: Baltus, Новое издательство, 2005. – С. 103 – 125.
8. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь. – Репринтное издание / Г. Дьяченко. – М.: Отчий дом, 2001. – 1120 с.
9. Котрелев Н.В. Письма Юргиса Балтрушайтиса к Джованни Папини // Иностранная литература. – 2015. – №3. – С.265-273.
10. Кубилюс, В. На пересечении национальных культур // Вопросы литературы – 1975. – №1. – С. 251-258.
11. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2001. – 848 с.
12. Полонский Г.Я. На молитву: Поэзия Юргиса Балтрушайтиса // Запросы жизни. – 1912. – №41 (12 окт.).
13. Салинка В. Письма Ю. Балтрушайтиса к Горькому // Вопросы литературы – 1968. – №7. – С. 251-252.
14. Спроге Л.В. Юргис Балтрушайтис: от «книги стихов» к «диалогии» // Серебряный век русской литературы: Проблемы, документы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С.24-32.
15. Томпакова О.М. Они писали Скрябину... // Музыкальная академия – 2005. – №4. – С. 165 – 169.

Сведение об авторе:

**Пороль Ольга Анатольевна**, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка  
Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru.